

УДК 910.4

Тулянов В.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения (Россия)

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX В.: АЛЕКСАНДР ДЮМА И ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

Статья посвящена изучению поездок Александра Дюма (7-9 сентября 1858 г.) и Теофиля Готье (конец января 1859 г.) в Троице-Сергиев монастырь. Источниковую базу проведенного исследования составили путевые записки А. Дюма и Т. Готье. Были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье; проанализировать путевые записки А. Дюма и Т. Готье как исторический источник по истории Троице-Сергиева монастыря в конце 1850-х гг. Актуальность исследования заключается в слабой изученности данного круга вопросов и в том, что путевые записки А. Дюма и Т. Готье прежде не привлекались для решения такого рода задач. В статье показано, что путевые записки А. Дюма и Т. Готье являются важным историческим источником по истории Троице-Сергиева монастыря и его окрестностей в конце 1850-х гг. Дополняя друг друга и, в целом, ни в чем не противореча, записки А. Дюма и Т. Готье дают ценную информацию по целому ряду вопросов, включая особенности паломнического маршрута из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, повседневность паломников и туристов в монастырской гостинице, численность монахов и другим. Кроме того, выделены особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье как музея, обоими авторами акценты были сделаны на описании монастырских богатств, прочных связях монастыря с российскими монархами и вельможами и важной роли монастыря в российской истории. Также в статье обозначены стилистические особенности путевых записок А. Дюма и Т. Готье.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, Александр Дюма, Теофиль Готье, путевые записки, записки иностранцев о России.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-62-74

Введение. Объектом исследования данной статьи являются поездки двух французских путешественников – Александра Дюма (1802-1870) и Теофиля Готье (1811-1872) – в Троице-Сергиев монастырь, которые они совершили с разницей всего в 5 месяцев: первый – в сентябре 1858 г., второй – в январе 1859 г. Основным источником проведенного исследования стали путевые записки А. Дюма («Путевые впечатления. В России») и Т. Готье («Путешествие в Россию»); также для уточнения некоторых деталей маршрута из Москвы в Троице-Сергиев монастырь и особенностей проживания в монастырской гостинице использованы записки маркиза Астольфа де Кюстина (1790-1857), побывавшего в монастыре в 1839 г. Задачи статьи: выявить особенности восприятия Троице-Сергие-

ева монастыря А. Дюма и Т. Готье; проанализировать путевые записки А. Дюма и Т. Готье как исторический источник по истории Троице-Сергиева монастыря в конце 1850-х гг.

Основными исследовательскими методами, использованными при работе с путевыми записками обозначенных европейских путешественников стали: контент-анализ, синтез целостных образов и анализ с учетом конкретных исторических обстоятельств. Метод контент-анализа позволил выделить однотипную информацию и ее периодическую повторяемость в путевых записках разных авторов; это способствовало исследованию восприятия сложного для инокультурного и иноконфессионального наблюдателя (европейского путешественника) феномена русской православной святыни. Метод синтеза целостных об-

разов использовался, вслед за И. В. Гуняковой [4, с. 16], для детального исследования репрезентации российской действительности в путевых записках европейских путешественников, выявления наиболее значимых для их понимания «иной» культуры и религии факторов, а также обозначения основных стереотипных представлений о России и русском православии. Метод анализа с учетом конкретных исторических обстоятельств (также заимствованный у И. В. Гуняковой [4, с. 16]) применялся для изучения путевых записок европейских путешественников с учетом исторических условий и обстоятельств, при которых они были составлены, и личностей их авторов, т. к. практически любые записки иностранцев о России полны ошибочных суждений, неправильно понятых особенностей российской действительности и русского национального характера; задача исследователя заключается не только в том, чтобы выявить эти ошибки, но и попытаться объяснить причины их возникновения.

Кратко охарактеризуем обстоятельства, при которых А. Дюма и Т. Готье посетили Россию, и особенности их путевых записок как исторического источника.

Французский писатель, драматург и журналист Александр Дюма посетил Россию по приглашению графа Г. А. Кушелева-Безбородко, с которым познакомился в Париже в 1857 г. [6, 305]. В российских пределах автор «Трех мушкетеров» пробыл почти 8 месяцев – со второй половины июня 1858 до начала февраля 1859 г. – за это время ему удалось побывать в обеих столицах (Петербург и Москва), а также совершить длительную поездку в Поволжье (Нижний Новгород, Казань, Астрахань), на Кавказ (Дербент) и в Закавказье (Баку, Тифлис) [5, с. 305]. 1 февраля 1859 г. Дюма покинул Россию, отплыв на пароходе «Великий князь Константин» из Поти в Трапезунд.

Еще находясь в России часть своих путевых записок А. Дюма отправлял во

Францию, где они публиковались в издаваемом им еженедельном журнале «Монте-Кристо»; полный же текст был опубликован автором в 1865 г. [5, с. 305]. Русский перевод записок А. Дюма увидел свет лишь в 1993 г. Собираясь в Россию он обещал читателям своего журнала написать настоящий роман о своих приключениях в малоизвестной широкой французской общественности стране, составить не просто описание географического путешествия, а создать нечто новое, новый жанр – «литературное путешествие», где главным героем станет сам автор [6, с. 520]. По сути, именно такой автобиографический роман о своих приключениях в России, где пространные экскурсии в русскую историю, литературу и политическое устройство соседствуют с описаниями русских населенных пунктов и природы, общением с местными жителями, авторскими впечатлениями и т. п. у него и получился. Да, в путевых записках А. Дюма есть и критические замечания – по поводу российского «деспотизма», крепостного «рабства», явно запаздывающих реформ и т. п. – однако написаны они в очень сдержанной манере. В целом же А. Дюма был положительно настроен в отношении России и русского народа и сгладил неприятное впечатление о них, изображенное А. де Кюстином в «России в 1839 году» [12, с. 59].

Французский писатель, поэт и прозаик Теофиль Готье побывал в России дважды: в сентябре 1858 – марте 1859 г. и августе-октябре 1861 г. Во время первой поездки он посетил Петербург и Москву, а во второй раз доехал до Нижнего Новгорода [11, с. 73]. Подобно А. Дюма, почти одновременно с которым Т. Готье впервые побывал в России, часть своих путевых записок он отправлял во Францию для публикации в различных газетах и журналах. Полный же текст его записок был издан на французском языке только в 1867 г., а на русском спустя более чем столетие – в 1988 г.

Записки Т. Готье в полной мере могут быть охарактеризованы как действительно путевые. Его взгляд на Россию – это взгляд стороннего наблюдателя, далекого от политики, поэтому в записках нет ни слова о российском абсолютизме, крепостном праве или его отмене, начале «Великих реформ» и т. п., но лишь описание увиденного – панорамы русской природы и населенных пунктов, вдумчивый анализ русской архитектуры и детализированные портретные зарисовки людей [5, с. 304]. Таким образом, у Т. Готье получилось «географическое путешествие», в центре изложения которого находятся не приключения автора (как у А. Дюма), а визуальный образ России. Как представляется, путевые записки человека впервые посещающего чужую страну такими и должны быть.

В этой связи, было бы небезынтересно рассмотреть особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря в «литературном путешествии» А. Дюма и «географическом путешествии» Т. Готье, а также проанализировать их как исторический источник по истории монастыря в конце 1850-х гг. В имеющейся на данный момент историографии, где путевые записки А. Дюма и Т. Готье неоднократно сравнивались (см. например: [1; 5; 14 и другие]), обозначенные исследовательские задачи до сих пор не ставились. Да и вообще нужно сказать, что вопрос о восприятии иностранцами русских православных святынь в современной отечественной историографии практически не привлекал внимания (см. например: [2; 10 и другие]). Данная статья призвана хотя бы частично восполнить этот историографический пробел.

Результаты и их обсуждение. В Троице-Сергиевом монастыре и его окрестностях А. Дюма пробыл 3 дня – 7-9 сентября 1858 г., а Т. Готье – 2 дня в конце января 1859 г. (к сожалению, он не датировал свою поездку более точно,

другие же источники об этом также молчат). Структура изложения материала о поездке в монастырь у обоих авторов весьма схожа: описание дороги из Москвы в монастырь; впечатления от осмотра Сергиевского посада (поселения, расположенного у стен монастыря; ныне – Сергиев Посад); описание монастырской гостиницы, где оба путешественника останавливались на ночлег; экскурсия в монастырь и его история. Как представляется, рассмотрение этих вопросов позволит решить поставленные исследовательские задачи, поскольку именно они максимально отражают представления А. Дюма и Т. Готье о Троице-Сергиевом монастыре, которые во многом близки, но то, что монастырь они посетили в разное время года, определило и ряд существенных расхождений в его восприятии. Кроме того, различия в стиле записок («литературное путешествие» и «географическое путешествие») также повлияли на это восприятие. Начнем с анализа описания французскими путешественниками дороги до монастыря.

Дорога из Москвы в Троице-Сергиев монастырь А. Дюма описана достаточно лаконично: «дорога от Москвы до Троицкого великолепная, усаженная деревьями» [7, с. 88]. И действительно, в середине XIX в. дорогу выложили камнем [13, с. 177], что позволило значительно увеличить скорость передвижения по ней: «в полдень мы поскакали галопом в упряжке с четырьмя рысаками» (т. е. выехали только в полдень 7 сентября, но к вечеру того же дня уже были в Сергиевском посаде; А. де Кюстин же в 1839 г. выезжал на рассвете и только к закату был в гостинице [9, с. 183]) и, видимо, решить проблему «распутицы и паводков» (об этом также писал А. де Кюстин [9, с. 183]), которая как раз и должна была обостриться с наступлением осени по причине дождей, однако А. Дюма об этой проблеме даже не упоминает. «Великолепный», по

словам самого французского путешественника, характер дороги, в свою очередь, позволил ему больше внимания в пути уделить местным достопримечательностям – селам Пушкино и Рахманово, но все же наибольший интерес вызвал Мытищинский акведук, построенный при Екатерине II, – а также череде православных паломников, «идущих в ту или в другую сторону» (т. е. в Троице-Сергиев монастырь или возвращаясь из него) [7, с. 88].

Рассказ Т. Готье о дороге до монастыря куда более пространный и полон весьма примечательных деталей. Конечно в первую очередь это связано с тем, что он ездил в Троице-Сергиев монастырь зимой и оставил единственное описание «зимнего пути» до этого монастыря. Причем французскому путешественнику нужно отдать должное в виду того, что он не отказался от поездки, хотя температура воздуха в тот день опустилась ниже 31 градуса по Реомюру (почти 39 градусов по шкале Цельсия) [3, с. 263].

Выехал Т. Готье «около 4 утра» и большую часть поездки просидел в кибитке на санной основе не общаясь с русскими кучерами. Для того чтобы не замерзнуть в дороге его накрыли медвежьей шкурой и велели не закрывать остекленного окна кибитки, потому что «пар от дыхания оседет на стекло, обледенит его, и тогда вы окажетесь без воздуха и погрузитесь в белесые потемки». Так он и проехал всю дорогу, покинув кибитку лишь однажды – на почтовой станции, чтобы переменить лошадей [3, с. 264]. Сразу скажем, что «к обеду» Т. Готье уже был в монастырской гостинице, т. е. потратил на дорогу примерно столько же времени, сколько и А. Дюма, а значит по затраченному времени «зимний путь» от Москвы до Троице-Сергиева монастыря от «летнего» по тому же маршруту если и отличался, то минимально.

Почтовую станцию, где русские ку-

чера меняли лошадей, Т. Готье охарактеризовал как ничем не примечательную, но вполне уютную: «деревянный дом, его двор загромождали неказистого вида телеги и сани», «нас провели в высокую, обитую досками комнату, которая походила на ящик из сосновых досок», «комната освещалась маленьким окошком с двойными рамами, и в ней не было другого украшения, кроме образа Богоматери». Никаких путников, странников или паломников там не было, лишь служители станции и несколько ямщиков: «мужики в грязных тулупах, со светлыми бородами, красными лицами, на которых светились полярно-голубые глаза». На станции Т. Готье позавтракал привезенной из Москвы едой, выпил чай из самовара и поехал дальше [3, с. 267].

Дорожный пейзаж он описывал как однообразный и мало запоминающийся, но зато само описание получилось весьма поэтичным: «когда на большой скорости мчишься по этому бледному, окутанному монотонной белизной бесконечному пейзажу, возникает странное чувство, словно движешься по лунной равнине, простершейся среди сна людей и зверей. Слышен только топот лошадей и скрип полозьев по снегу, как будто находишься на необитаемой планете» [3, с. 265]. Но это и понятно, Т. Готье ехал в Троице-Сергиев монастырь зимой и кроме заснеженного пейзажа вряд ли мог что-то разглядеть. Любопытно другое, что за всю дорогу ему не встретилось ни одной живой души, если не считать людей на почтовой станции. И действительно, вряд ли в такой мороз кто-то бы отважился идти пешком (А. Дюма же особо отмечал то, что большинство паломников шло до монастыря пешком), ведь нанять кибитку, как Т. Готье, могли отнюдь не многие. Собственно, сам французский путешественник об этом и говорит: «проделанная нами из Москвы дорога – это Ярославская дорога, и летом она, как мне рассказывали, очень оживленна. ... Но в пору моей

экскурсии дорога была совершенно безлюдна» [3, с. 268]. Теперь обратимся к описаниям Сергиевского посада.

Описание Сергиевского посада у А. Дюма столь же лаконично как и описание дороги в Троице-Сергиев монастырь, но и здесь есть ценная фактическая информация. Сам посад А. Дюма показался «живописным» (в отличии от большинства русских населенных пунктов), благодаря своему расположению на холмах. По оценкам французского путешественника, посад насчитывал до 1000 домов, в нем функционировало 6 церквей. О положительном впечатлении, произведенном посадом на А. Дюма, свидетельствует восторженный возглас: «это живое средневековье – совсем как Эгморт, как Авиньон» [7, с. 89]. Сравнение Сергиевского посада с двумя древними французскими городами было призвано продемонстрировать их равный статус как культурно-исторических и религиозных (Авиньон какое-то время в XIV в. был резиденцией римского понтифика, так называемое «авиньонское пленение пап») центров.

Т. Готье, в отличии от А. Дюма, сам Сергиевский посад не осматривал, но заглянул на местный рынок, расположенный недалеко от входа в монастырь: «у ворот монастыря расположились ларьки с мелкими товарами и некоторыми из тех миниатюрных достопримечательностей, которые туристы любят увозить с собой в качестве сувениров» [3, с. 269]. Французский путешественник не просто так отметил именно «туристов», нескольких на рынке он действительно повстречал, но о паломниках, которых ожидал увидеть в монастыре в большом количестве, ни слова, что подводит нас к выводу о небольшой популярности «зимнего» паломнического маршрута в Троице-Сергиев монастырь. С «туристами» же Т. Готье не общался, но вполне вероятно, что это были иностранцы, подобно самому французскому путешественнику приехавшие в монастырь на экскурсию, или кто-то из

более состоятельных российских подданных, приехавших в монастырь (они явно добрались в монастырь не пешком как описанные А. Дюма паломники, и находились в монастыре, скорее, проездом, т. к. в гостинице Т. Готье их не встретил) не с паломническими целями, а исключительно экскурсионными.

Несмотря на крайне малое количество потенциальных покупателей и уже отмечавшийся холод в тот день рынок всю работал. Причем Т. Готье нашел на нем товары едва ли не со всей России: детские игрушки, валенки, меховые варежки, черкесские пояса, тульские столовые приборы, модели московского Царьколокола и т. п. Как кажется, по набору товаров, продаваемых на рынке, ориентированы они были не на паломников (во все времена более склонных приобретать в «святом месте» предметы религиозного культа: нательные крестики, иконы, свечи, ладан и т. д.), а как раз на туристов, желающих увезти с собой какой-нибудь сувенир. Характерно, что Т. Готье обратил внимание и на торговцев: «фиолетовые от холода мужики» [3, с. 270] – вероятно, для многих местных жителей торговля являлась основным источником заработка и, следовательно, ожидание приезда туристов даже в такой холодный день становилось насущной необходимостью. Далее в рассказах обоих французских путешественников следует описание монастырской гостиницы.

Ночь с 7 на 8 сентября А. Дюма и его спутники (Д. П. Нарышкин и несколько других лиц, в том числе, французский художник Жан-Пьер Муане и русский гид-переводчик Александр Калино) провели в монастырской гостинице, расположенной недалеко от входа в Троице-Сергиев монастырь. «Комнаты грязные, а постели жесткие» – так автор описал саму гостиницу. Однако, акцентировать внимание на этом он не стал, указав, что ради посещения «обители святого Сергия» вполне можно пойти на несколько часов ночных

мучений и «эти мучения становятся легкими и даже сладостными» в момент посещения монастыря» [7, с. 90]. Безусловно, А. Дюма православным христианином не был (судя по тексту его путевых записок он вообще был атеистом), однако в этих словах кроется его отношение к монастырю: как кажется, он признает за ним статус крупного паломнического центра, хотя сам французский путешественник, конечно, приехал сюда не с религиозными целями, а в качестве экскурсии. «Я был готов войти в монастырь, как только отворят ворота» – такими словами А. Дюма начал рассказ о своей экскурсии в монастырь. Как видится, такое рвение французского путешественника было вызвано отнюдь не тем, что ночью ему плохо спалось на «жесткой постели» и он стремился скорее встать с нее, а именно его настроен на посещение культурного-исторического центра русского православия, в отличие от уже упоминавшегося А. де Кюстина, который очень подробно остановился на описании грязи, клопах и тараканах в монастырской гостинице, что и предопределило его невысокую оценку монастыря [9, с. 187-189].

Несколько слов сказал А. Дюма и о времяпровождении в гостинице многочисленных паломников, приехавших в монастырь со всей России: «за чашкой чая и дружеской беседой» [7, с. 90], картина едва ли не идиллическая, но именно таким французскому путешественнику и виделись вечера, проведенные русскими паломниками в гостинице. Светлое же время суток все проводили в монастыре. Собственно, не будучи паломником, а лишь туристом, А. Дюма и сам проводил время в этой поездке также.

Т. Готье же гостиница (он называет ее «постоялым двором» или «караван-сараем», но никакого негативного подтекста в этих словах нет) показалась «уютной и теплой» – учитывая сколько времени он провел в дороге при температуре намного ниже 30 градусов по Цельсию

концентрация внимания именно на «уюте» и «тепле» выглядит вполне понятной. Так же, как и информация об обеде в гостинице: «меню оказалось достаточно разнообразным» [3, с. 269]. И действительно, судя по тому, что заказывал сам Т. Готье, в гостинице кормили очень хорошо: «суп с капустой, фрикадельками из рубленого мяса» (видимо, борщ или щи), «стерлядь», «все это запивалось легким крымским белым вином», «несколько стаканов чая и несколько затяжек русского, чрезвычайно крепкого табака» [3, с. 276]. К слову, ни А. Дюма, ни посетивший Троице-Сергиев монастырь в 1839 г. А. де Кюстин в монастырской гостинице не обедали (еду они привозили с собой из Москвы), так что описание меню и обеда в монастырской гостинице для нас сохранили лишь путевые записки Т. Готье. Правда здесь стоит сделать оговорку: и А. Дюма и А. де Кюстин посещали монастырь в сентябре и августе соответственно, когда гостиница была переполнена постояльцами, Т. Готье же в январе, когда постояльцев кроме него самого в гостинице и вовсе не было. Вероятно, накрыть такой стол не всегда представлялось возможным, в виду большого количества постояльцев и малых возможностей гостиничной кухни.

В отличие от А. Дюма, охарактеризовавшего гостиничные номера как «грязные», и уж тем более от А. де Кюстина, подробнейшим образом описавшего свои «битвы» с клопами и тараканами [9, с. 187-189], Т. Готье был удивлен здешней чистотой и комфортом: «меня удивляют стенания туристов по поводу грязи и паразитов в русских гостиницах» [3, с. 269], «меня ожидала мягкая теплынь русских домов» (это было сказано о кроватях в гостинице; совсем не «жесткие постели» как у А. Дюма), «мой сон не потревожил ни один из тех агрессоров, чье мерзкое ползание превращает кровать путешественника в поле кровавой битвы» [3, с. 276] (это явная отсылка к «России в

1839 году» А. де Кюстина, с которой Т. Готье был знаком). Безусловно, описание ночлега в гостинице у А. Дюма и Т. Готье совершенно разные (а если учитывать мнение А. де Кюстина, то создается впечатление, что путешественники были в разных гостиницах), однако так кажется лишь на первый взгляд. Как уже ни раз отмечалось, главной особенностью поездки Т. Готье в Троице-Сергиев монастырь является то, что она была совершена очень холодной зимой, и это не могло ни сказаться, во-первых, на его восприятии абсолютно всех помещений как «уютных», просто потому, что там было тепло, во-вторых же, зимой в гостинице совсем не было постояльцев, а значит немногочисленной гостиничной прислуге гораздо легче было держать все в чистоте, вовремя менять постельные принадлежности, стирать их, прибирать в номерах и т. д. Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что зимой проще было избавиться от клопов и тараканов в номерах – нужно было просто оставить на ночь окна в номере открытыми и все паразиты умерли бы от холода. Тем не менее, сам Т. Готье об этом не задумывался и описание гостиницы у него вышло куда более положительным, чем у других европейских путешественников.

Теперь же перейдем к заключительному сюжету поездки обоих французских путешественников в Троице-Сергиев монастырь – описанию экскурсии в монастырь и его истории.

Экскурсию по монастырю для А. Дюма проводил не только привезенный из Москвы гид-переводчик А. Калино, но и некий не названный по имени монах, знавший французский язык. При этом автор особо уточнил, что «ни одна душа в монастыре не знала об этом [о знании монахом французского языка], и он умолял меня не разглашать тайну». Монах хотел лично познакомиться с прославленным писателем, но скрыл от всей братии монастыря свое знание языка. Французский

путешественник объяснил это тем, что монастырской братии было поручено остерегаться его [7, с. 95], но кто дал такое распоряжение, а главное зачем, осталось не выясненным. Возможно, виной всему стало настороженное отношение к любому иностранцу, приезжавшему в Россию после А. де Кюстина, результатом творчества которого стала книга «Россия в 1839 году», запрещенная российским правительством.

А. Дюма, конечно, признавал, что Троице-Сергиев монастырь для русского православного человека является религиозной святыней, местом паломничества, но для самого французского путешественника он являлся, скорее, музеем, собранием культурных и исторических ценностей. Это и определило специфику описания монастыря. Акцент был сделан на монастырских богатствах: «чтобы представить себе, какие богатства может заключать русский монастырь, нужно видеть сокровища Троицкого монастыря». Внимание А. Дюма привлек алтарь Троицкого собора, оцененный им в 1,5 миллиона французских франков; конская уздечка князя Дмитрия Пожарского и халат Ивана IV; оникс, подаренный митрополиту Платону (Левшину) Григорием Потемкиным. В противовес этим сокровищам автор выделил «лохмотья рясы святого Сергия» [7, с. 95-96]. Причем именно в последнем А. Дюма видел главную святыню монастыря, притягивающую паломников со всей России.

Французский путешественник обратил внимание и на численность монахов – «когда-то в монастыре проживало триста монахов. Сегодня там не более ста», и на немногочисленные владения монастыря, из которых выделил ресторан «Троица» в Москве, который, по его словам, «славится ухой из стерляди». Такое сокращение численности насельников монастыря и немногочисленность монастырских владений А. Дюма связал с секуляризацией церковных земель в 1764 г., отметив, что

до этого «Троицкий монастырь имел в своем подчинении четырнадцать других монастырей и владел ста шестью тысячами восемьсот восемью крепостными душами» [7, с. 95-96].

Подробный экскурс А. Дюма сделал в историю монастыря, начав ее изложение со времени игуменства преподобного Сергия Радонежского, при этом неверно датировав рождение святого 1315 г.; обретение мощей «святого Сергия» ошибочно связывается с деятельностью патриарха Никона, спутанного с преподобным Никоном, игуменом Радонежским; отмечена роль в истории монастыря Ивана IV и Анны Иоанновны, правда сводится она лишь к «подаркам» и «пожертвованиям», а также высказана мысль о том, что «самые богатые дары святые обычно получают от распутных императриц и от жестоких царей», в чем видится недвусмысленный намек на интимные связи Анны Иоанновны с графом П. М. Бестужевым-Рюминым и Э. И. Бироном и на «опричный террор» Ивана IV; сказано и о судьбе Годуновых, чью усыпальницу в монастыре посетил А. Дюма, причем особо автор остановился на сюжете изнасилования Лжедмитрием I (А. Дюма называет его так – «может быть, кто знает, истинным Димитрием») Ксении Годуновой; сюжет с бегством Петра I из Москвы в Троице-Сергиев монастырь в 1689 г. в этом историческом экскурсе органично слился с сюжетом о «стрелецком бунте» 1682 г., в результате получилось, что вдовствующая царица Наталья Кирилловна укрывала своего малолетнего сына от ярости стрельцов не в покоях Московского Кремля, а в Троице-Сергиевом монастыре [7, с. 92-95]. Безусловно, исторический экскурс А. Дюма в историю Троице-Сергиева монастыря полон фактических ошибок, однако общее изложение видится верным: автор стремился показать место «обители святого Сергия» в контексте всей российской истории и

ему это вполне удалось – как сам монастырь, так и его братия оказались участниками многих ключевых событий отечественной истории XIV-XVIII вв.

9 сентября А. Дюма с попутчиками посетил Спасо-Вифанский монастырь, однако рассмотрение этой поездки не входит в задачи настоящей статьи. Вечером того же дня А. Дюма покинул Сергиевский посад и отправился в сторону Ярославля.

В отличие от А. Дюма, заканчивающего свой рассказ о посещении Троице-Сергиева монастыря экскурсом в его историю, Т. Готье с этого начинается. Однако, его экскурс значительно более краткий и ограничивается лишь XVII-XVIII вв. Так, французский путешественник отметил оборону монастыря в годы Смутного времени; бегство Петра I из Москвы в монастырь в 1689 г.; прочные связи монастыря с российскими монархами (Петр I, Екатерина II) и «наияснейшими вельможами» (Григорий Потемкин), одаривавшими монастырскую братию «неисчислимыми богатствами». Такое внимание к монастырю со стороны монархов и вельмож Т. Готье объяснил тем, что «во времена нашествий и боярских смут Троицкий монастырь был убежищем и опорой народного патриотизма и сыграл свою роль в национальном становлении государства» и не почитать его как святыню не только религиозную, но и национальную было бы непрослительно [3, с. 270-271].

В самом монастыре Т. Готье посетил Троицкий и Успенский соборы и составил их подробные описания. В Троицком соборе его особенно привлекла рака с мощами преподобного Сергия Радонежского («саркофаг сделан из позолоченного массивного серебра и стоит под балдахином на четырех колоннах того же металла») и его же образ в иконостасе, «считающийся чудотворным». Иконостас и раку с мощами преподобного Сергия Т. Готье оценил во «многие миллионы», не преминув при этом сравнить русское церковное ис-

куство с европейским – «простая Мадонна Рафаэля прекраснее, чем так богато украшенная православная икона». В Успенском соборе французский путешественник тщательно осмотрел фрески: «создается впечатление, что вся церковь покрыта ковром, ибо ни один выступ не прерывает росписи». Отсутствие же скульптур в православных храмах его очень удивило, но Т. Готье нашел этому объяснение: «восточная церковь, с такой щедростью использующая живописный образ, не разрешает скульптур, кажется, из опасения, что статуя превратится в идола». Посетил Т. Готье и усыпальницу Годуновых в Успенском соборе: «по стилю и форме они [могилы] походят на мусульманское захоронение» – не ясно, что же в захоронениях ему показалось напоминающим исламскую практику погребений, сам он этого не пояснил [3, с. 272-276]. Французский путешественник впервые посещал Россию и до этого не был знаком ни с православной религией, ни с православным искусством, потому многое попросту не мог понять. Приведем еще несколько примеров, которые характеризуют его незнание, а не предвзятость ко всему русскому: одна из сцен росписи на центральном входе в монастырь, изображающая житийный эпизод с кормлением медведя преподобным Сергием, в путевых записках охарактеризована как изображение святого основателя монастыря и русского тотемного животного [3, с. 270]; обилие голубого цвета на фресках, традиционно в православии считающегося цветом Богородицы, Т. Готье почему-то связывает с Марией-Луизой, второй женой Наполеона Бонапарта [3, с. 271] и т. д.

Характеризуя архитектуру двух посещенных им соборов Троице-Сергиева монастыря Т. Готье отметил, что «на вид они странны, новы, смущают своим расположением и меньше всего походят на живописные готические». Вряд ли стоит в этих словах видеть некое пренебрежение русской церковной архитектурой, Т.

Готье лишь пытался найти понятные для французского читателя его записок образы и никак не мог обойти французские готические соборы – строго симметричные, выстроенные по четкому и понятному плану – потому соборы монастыря в России и были описаны как «странные» и «смущающие своим расположением», т. к. единой планировки в Троице-Сергиевом монастыре нет, все постройки возводились в разное время и в разных стилях. Любопытна и такая оценка монастырской архитектуры: «греческая религия с точки зрения доли заложенного в ней искусства менее захватывает воображения, она хранит древние византийские формулы и, не страшась, веками повторяется, при этом больше заботясь об ортодоксальности, чем о хорошем вкусе» [3, с. 271], т. е. православие свято хранит традиции, не гонясь за новыми веяниями в искусстве и сам Т. Готье относится к этому исключительно положительно.

Французский путешественник отметил почти полное отсутствие молящихся в соборах монастыря, увидел он всего нескольких человек. С учетом того, что на местном рынке и в монастырской гостинице он не встречал паломников, а лишь очень немногочисленных туристов, скорее всего увиденные им в Троицком соборе молящиеся были местными жителями. Однако описание их получилось очень поэтичным, что в принципе свойственно языку Т. Готье: «в экстазе восхищения мужики, верующие всех сортов молятся, крестятся, проявляя на русский лад свою набожность. ... Слепительная могила [рака с мощами преподобного Сергия] отбрасывала на коленопреклоненных крестьян снопы света, от которых то блеснула лысина, то высвечивалась борода, то вырисовывался профиль, ... Здесь были великолепные головы с одухотворенными лицами». При этом автор сам признал, что нарисованная им картина была достойна «кисти Рембрандта» [3, с. 273].

Напоследок, уже прощаясь с монастырем, Т. Готье посетил монастырскую сокровищницу и библиотеку, причем экскурсию туда ему проводила «знавшая французский монахиня». В сокровищнице его внимание привлекли «деревянный ларец» и «грубое священническое облачение». Как объяснила монахиня, эти вещи принадлежали преподобному Сергию Радонежскому: «деревянный ларец» был дароносицей святого, а «грубое священническое облачение» теми самыми «лохмотьями рясы святого Сергия», описанными А. Дюма как главная святыня монастыря. Коллекцию книг в монастырской библиотеке Т. Готье назвал «христианизированными сокровищами Гаруна аль-Рашида [правильно – Харун ар-Рашид]», арабского халифа, центрального персонажа сказок «Тысячи и одной ночи», с которым обычно связывается «золотой век ислама». Французский путешественник перечислил увиденные им богатства библиотеки: «все шкафы мне были открыты, и я мог увидеть Библии, Евангелия, литургические книги из позолоченного серебра, инкрустированного твердыми породами камней». Монастырские богатства произвели впечатление на Т. Готье, что и выразилось в их сравнении со сказочными богатствами древнего халифа.

На этом экскурсия была окончена, а вместе с ней и поездка Т. Готье в Троице-Сергиев монастырь. В тот же вечер, после двух дней пребывания в монастыре французский путешественник вернулся в Москву.

Заключение. В. О. Ключевский, характеризуя ценность записок иностранцев о России, писал: «описать их [явления русской жизни], выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он [иностранец, автор путевых записок] мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и

смотрели на них с своей домашней, условной точки зрения» [8, с. 8], и это действительно так. Способность иностранца увидеть и зафиксировать то, что ускользало от взгляда местного жителя, делает путевые записки иностранцев уникальным видом исторических источников, дополняющих и, зачастую, позволяющих по-новому взглянуть на информацию источников отечественного происхождения. Так и в случае с проанализированными путевыми записками А. Дюма и Т. Готье.

Без какого-либо сомнения можно утверждать, что описания поездок в Троице-Сергиев монастырь в записках А. Дюма и Т. Готье являются важным историческим источником по истории монастыря и его окрестностей в конце 1850-х гг. Дополняя друг друга и, в целом, ни в чем не противореча, записки А. Дюма и Т. Готье дают ценную информацию о дороге, по которой паломники добирались из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, основных достопримечательностях этого маршрута и его особенностях в разное время года. Записки также являются ценным источником по истории Сергиевского посада (в них есть сведения о количестве дворов и церквей, деятельности местных жителей и особенностях работы местного рынка). Уникальны сведения записок о повседневности в монастырской гостинице, численности монахов и современном состоянии монастыря. На многие вопросы, связанные с историей Троице-Сергиева монастыря и его окрестностей в XIX в., ответы есть только в записках европейских путешественников, в том числе, А. Дюма и Т. Готье.

Вместе с тем, В. О. Ключевский писал о записках иностранцев и другое: «иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их» [8, с. 8]. И это также справедливо в отношении путевых записок А. Дюма и Т. Готье. В данной статье был выделен ряд

особенностей восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье, которые, как представляется, полностью соответствуют приведенной цитате В. О. Ключевского: А. Дюма и Т. Готье роднит отношение к Троице-Сергиеву монастырю как к музею, собранию культурных и исторических ценностей, что вполне понятно – они не могли воспринимать его иначе не являясь православными. Кроме того, оба автора сделали акценты на описании монастырских богатств, прочных связях монастыря с российскими монархами и вельможами и важной роли монастыря в российской истории. Как видится, эти акценты в представлении А. Дюма и Т. Готье были тесно связаны и не могли существовать один без другого. Это как раз и является ярким примером непонимания иностранцем особенностей российской действительности: церковные богатства в России являлись не «подарками» и «пожертвованиями» российских монархов и вельмож, а пережитком феодализма, когда одним из крупнейших и богатейших феодалов в стране была именно церковь.

Кроме того, нельзя не отметить в заключении и ряд особенностей восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье, которые не сближают их, а скорее наоборот отдаляют друг от друга. Во-первых, то, что их поездки были совершены в разное время года, и описание Т. Готье «зимнего пути» в монастырь вообще является единственным дошедшим до нас. Во-вторых, различия в жанре записок: в «литературном путешествии» А. Дюма в центре сюжета изложения находится сам автор, его действия и эмоции по поводу увиденного, описанию же самого монастыря уделяется минимум места в тексте; «географическое путешествие» Т. Готье же посвящено описанию увиденного – люди, пейзажи, монастырь и его соборы – все остальное дается лишь на фоне. Т. Готье в описании своей поездки в монастырь в большей степени сосредоточился на анализе монастырской архитектуры, возможно, потому что А. Дюма в поездке сопровождал художник (Ж.-П. Муане), который и зарисовывал то, что словами пытался передать Т. Готье.

Список литературы

1. Александрова М.В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111-118.
2. Гладкая О.М. Взгляд иностранцев на православие // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 3-15.
3. Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. 396 с.
4. Гунякова И.В. Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник: автореферат дис. ...канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009. 29 с.
5. Гурский Р.В. Пять путешествий в царскую Россию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 303-307.
6. Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31. 1937. С. 491-562.
7. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т. 3. М.: Ладомир, 1993. 640 с.
8. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. П.: Первая государственная типография, 1918. 333 с.
9. Кюстин А. де Россия в 1839 году. В 2 т. Т. II. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 480 с.
10. Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.:

Паломник, 2005. 475 с.

11. Линкова Я.С. Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2010. № 1 (4). С. 73-78.

12. Овчарова Е.Э. Восприятие России Анри Бейлем и Александром Дюма // Россия и «анти-Россия»: историко-психологический аспект: Материалы LI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16 мая 2022 года. СПб.: ООО "Полторак", 2022. С. 58-61.

13. Тарусов В.Н. Северный маршрут «Москва – Сергиев Посад». Краткий исторический обзор // Сервис в России и за рубежом. Вып. 7. 2011. С. 176-184.

14. Шевченко П.А. Такая разная Россия: взгляд из Франции XIX в. и современное информационное противостояние // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 8 (47). С. 89-93.

THE TRINITY-SERGIUS MONASTERY THROUGH THE EYES OF 19TH-CENTURY FRENCH TRAVELERS: ALEXANDRE DUMA AND THÉOPHILE GAUTIER

The article is devoted to the study of the trips of Alexandre Dumas (September 7-9, 1858) and Théophile Gautier (late January 1859) to the Trinity-Sergius Monastery. The study is based on the travel notes of A. Dumas and T. Gautier. The following research objectives were set: to identify the features of A. Dumas and T. Gautier's perception of the Trinity-Sergius Monastery; to analyze A. Dumas and T. Gautier's travel notes as a historical source on the history of the Trinity-Sergius Monastery in the late 1850s. The relevance of this research lies in the limited study of this area and the fact that A. Dumas and T. Gautier's travel notes have not previously been used to address such issues. The article shows that the travel notes of A. Dumas and T. Gautier are an important historical source on the history of the Trinity-Sergius Monastery and its surroundings in the late 1850s. Complementing each other and, in general, not contradicting each other, the notes by A. Dumas and T. Gautier provide valuable information on a number of issues, including the specifics of the pilgrimage route from Moscow to the Trinity-Sergius Monastery, the daily life of pilgrims and tourists in the monastery hotel, the number of monks, and more. In addition, the article highlights the peculiarities of A. Dumas and T. Gautier's perception of the Trinity-Sergius Monastery as a museum, with both authors emphasizing the description of the monastery's wealth, its strong ties with Russian monarchs and nobles, and its significant role in Russian history. The article also explores the stylistic features of A. Dumas and T. Gautier's travelogues.

Keywords: Trinity-Sergius Monastery, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, travel notes, foreign notes about Russia.

References

1. Aleksandrova M.V. (2021) *Obraz rossiyskoy provintsii v travelogakh inostrannykh puteshestvennikov XIX veka (na materialakh Yaroslavskoy gubernii)* [Image of the Russian province in travelogs by foreign travelers of the 19th century (based on materials from Yaroslavl Province)] // *Mir russkogovoryashchikh stran*. N. 1 (7). pp. 111-118.

2. Gladkaya O.M. (2019) *Vzglyad inostrantsev na pravoslavie* [Foreigners' view on Orthodoxy] // *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. Vol. 5. N. 2. pp. 3-15.

3. Got'e T. (1988) *Puteshestvie v Rossiyu* [Travel to Russia]. Moscow: Mysl'. 396 s.

4. Guniyakova I.V. (2009) *Zapiski Vil'jama Koksa vtoroy poloviny XVIII veka o ego puteshestvii v Rossiyu kak istoricheskiy istochnik* [Notes of William Cox about his journey to Russia in the second half of the 18th century as an historical source]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Nizhniy Novgorod. 29 s.

5. Gur'skiy R.V. (2015) *Pyat' puteshestviy v carskuyu Rossiyu* [Five travels to Imperial Russia] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filologiya. N. 3. pp. 303-307.

6. Durilin S. (1937) *Aleksandr Dyuma-otets i Rossiya* [Alexander Dumas-father and Russia] // *Literaturnoye nasledstvo*. Vol. 31. pp. 491-562.

7. Dyuma A. (1993) Putevye vpechatleniya. V Rossii. In 3 vols. Vol. 3 [Travel impressions. In Russia. Volume 3]. Moscow: Ladomir. 640 s.
8. Klyuchevskij V.O. (1918) Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve [Foreign accounts of Muscovite state]. Petrograd: First State Printing House. 333 s.
9. Kyustin A. de (1996) Rossiya v 1839 godu. In 2 vols. Vol. II [Russia in 1839. Volume II]. Moscow: Sabashnikov Publishing House. 480 s.
10. Lepahin V.V. (2005) Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrantsev [Icon and icon worship through the eyes of Russians and foreigners]. Moscow: Palomnik. 475 s.
11. Linkova Ya.S. (2010) Obraz Rossii i russkikh v "Puteshestvii v Rossiyu" Teofilya Got'e [Image of Russia and Russians in Theophile Gautier's Travels to Russia] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. N. 1 (4). pp. 73-78.
12. Ovcharova E.E. (2022) Vospriyatie Rossii Anri Beylem i Aleksandr Dyumoy [Perception of Russia by Henri Beyle and Alexander Dumas] // Rossiya i «anti-Rossiya»: istoriko-psikhologicheskii aspekt: Materialy LI Mezhdunarodnoy nauchno-y konferentsii. St. Petersburg, May 16, 2022. St. Petersburg: Poltarak LLC. pp. 58-61.
13. Tarusov V.N. (2011) Severnyy marshrut «Moskva – Sergiev Posad». Kratkiy istoricheskiy obzor [Northern route "Moscow – Sergiyev Posad." Brief Historical Overview] // Servis v Rossii i za rubezhom. Issue 7. pp. 176-184.
14. Shevchenko P.A. (2020) Takaya raznaya Rossiya: vzglyad iz Frantsii XIX v. i sovremennoye informatsionnoye protivostoyanie [Such Different Russia: View from France in the 19th Century and Modern Information Confrontation] // Ustoichivoe razvitiye nauki i obrazovaniya. N. 8 (47). pp. 89-93.

Об авторе

Тулянов Владислав Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения. E-mail: v.tulyanov@mail.ru

Tulyanov Vladislav Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History at the State University of Education. E-mail: v.tulyanov@mail.ru